

УДК 398.224(=512.151/.157)
DOI 10.25587/16017-6719-4048-i

А. Ф. Корякина

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

СЮЖЕТНО-КОМПОЗИЦИОННОЕ СТРОЕНИЕ И МОТИВЫ ЯКУТСКОГО ОЛОНХО «ХААН ДЖАРГЫСТАЙ» И АЛТАЙСКОГО ЭПОСА «МААДАЙ-КАРА»: СХОДСТВО И ОТЛИЧИЯ

Аннотация. Сегодня в фольклористике актуально изучение генетических и типологических связей произведений устного народного творчества, в частности, проведение сравнительных изучений эпосов тюрко-монгольских народов с целью выявления их сходства и различий.

Анализ историографии изучения сравнительного изучения эпосов показывает необходимость системного углубленного изучения проблемы с точки зрения поиска более эффективных методологии и методов исследования. Труды И. В. Пухова по выявлению общих черт и различий в эпическом наследии тюркоязычных и монгольских этносов нуждаются в дополнительных исследованиях.

В статье исследованы сходства и различия в сюжетно-композиционном строении, мотивах якутского и алтайского эпосов с применением методов сравнительно-структурного, сопоставительного анализа. Источниковой базой послужили памятники эпического наследия якутского и алтайского народов: олонхо «Хаан Джаргыстай» и алтайский эпос «Маадай-Кара». В результате сравнительного анализа подтверждено наличие типологических и генетических связей между якутским олонхо и алтайским героическим сказанием. Установлены аналогии темы сватовства богатырей-героев и их богатырских героических походов, темы сражений с чудовищами в защиту соплеменников. Доказана близость сюжетно-композиционной структуры эпосов: в них присутствуют канонические элементы устойчивого для тюрко-монгольских эпосов сюжетного состава, состоящего из зачина, завязки, развития действия, кульминации, развязки. В обоих эпосах присутствуют древние мотивы (обеспечение героев родителями богатырскими доспехами, конем, принятие героических походов богатырями; описание коня-друга, чудесные превращения героев; победа богатыря над врагами, его сватовство и женитьба; установление счастливой, спокойной жизни на родине богатырей и др.), составляющие сюжетную канву эпосов. Таким образом, представлены доказательства, свидетельствующие о неоспоримости зарождения эпических сказаний якутского и алтайского народов на стыке их исторических и духовных контактов в едином тюрко-монгольском мире, об их общих генетических и типологических истоках.

Сравнительное изучение сюжета и мотивов в текстах эпического наследия якутов и алтайцев дает богатый материал для дальнейших сравнительно-сопоставительных исследований тюрко-монгольских эпосов и культурно-исторических контактов древних предков алтайского и якутского народов.

Ключевые слова: эпос, олонхо, Хаан Джаргыстай, алтайский эпос, Маадай-Кара, эпические традиции, сюжетно-композиционная структура, устойчивые мотивы, генетические и типологические связи, сходство и отличия.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта СВФУ «Героические эпосы тюрко-монгольских народов Евразии: проблемы и перспективы сравнительного изучения».

А. Ф. Корякина

Plot-compositional structure and motifs of the Yakut olonkho *Khaan Dzhargystay* and the Altai epic *Maaday-Kara*: similarities and differences

Abstract. Today, in folklore, it is important to study the genetic and typological connections of works of oral folk art, in particular, to conduct comparative studies of the epics of the Turkic-Mongol peoples in order to identify their similarities and differences.

КОРЯКИНА Антонина Федоровна – к. пед. н., с. н. с. сектора «Олонховедение» Научно-исследовательского института Олонхо Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия.

E-mail: aitalilen@mail.ru

KORYAKINA Antonina Fedorovna – Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Researcher of the Sector “Olonkho Studies” of the Olonkho Research Institute, North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.

E-mail: aitalilen@mail.ru

An analysis of the historiography of the study of the comparative study of epics shows the need for a systematic in-depth study of the problem from the point of view of finding more effective methodology and research methods. The works of I. V. Pukhov to identify common features and differences in the epic heritage of the Turkic and Mongolian ethnic groups need additional research.

The article investigates the convergence and difference in the plot-compositional structure, motifs of the Yakut and Altai epics using the methods of comparative-structural and contrastive analysis. The source base was the monuments of the epic heritage of the Yakut and Altai peoples: the olonkho *Khaan Dzhangystay* and the Altai epic *Maadai-Kara*. As a result of a comparative analysis, the presence of typological and genetic links between the Yakut olonkho and the Altai heroic legend was confirmed. The analogies of the topic of matchmaking of heroes and their heroic campaigns, the topic of battles with monsters in defense of their fellow tribesmen are established. The closeness of the plot-compositional structure of the epics has been proved: they contain the canonical elements of a plot structure that is stable for the Turkic-Mongolian epics, consisting of an introduction, starting point, development of an action, climax, and falling action. In both epics, there are ancient motifs (providing heroes with heroic armor, a horse, acceptance of heroic campaigns by heroes; description of a horse-friend, wonderful transformations of heroes; victory of a hero over enemies, his matchmaking and marriage; establishing a happy, calm life in the homeland of heroes, etc.), which make up the plot of the epics. Thus, evidence is presented that testifies to the indisputability of the origin of epic legends of the Yakut and Altai peoples at the junction of their historical and spiritual contacts in a single Turkic-Mongol world, about their common genetic and typological origins.

A comparative study of the plot and motifs in the texts of the epic heritage of the Yakuts and Altai peoples provides rich material for further comparative-contrastive studies of the Turkic-Mongolian epics and cultural and historical contacts of the ancient ancestors of the Altai and Yakut peoples.

Keywords: epic, olonkho, Altai epic, epic traditions, plot-compositional structure, stable motifs, genetic and typological connections, similarities and differences.

Acknowledgments: The study was carried out within the framework of the NEF U research project "Heroic epics of the Turkic-Mongolian peoples of Eurasia: problems and prospects for comparative study".

Введение

В героическом эпосе олонхо – выдающемся памятнике эпического наследия – воспроизведена удивительно богатая духовная жизнь и исключительно своеобразная культура якутского народа, его философское восприятие мира, красивый, богатый поэтический язык.

Олонхо в своем возникновении, формировании и развитии испытало влияние древних эпических традиций родственных тюрко-монгольских народов, с которыми сталкивалось, контактировало. Возникает необходимость специального проведения сравнительного изучения эпоса носителей древнетюркских и древнемонгольских языков. Вытекает актуальность сравнительного изучения эпосов в древности родственных народов и народов, имевших тесные духовные и культурные контакты, цель которых поиск генетических истоков возникновения и формирования героического эпоса. Без знаний древнейших истоков якутского героического эпоса олонхо невозможно представить себе решение древней духовной культуры якутов.

Сравнительные исследования эпических сказаний начались проводиться только с середины XX в. Исследования по сравнительному изучению эпосов провели В. Я. Пропп [1], Е. М. Мелетинский [2], А. П. Окладников [3], В. М. Жирмунский [4; 5], Б. Н. Путилов [6], С. С. Суразаков [7], Г. У. Эргис [8], И. В. Пухов [9; 10; 11], Е. Н. Кузьмина [12], Д. А. Функ [13] и др. В. Я. Пропп доказал на сказочном материале эффективность структурно-типологического метода для изучения генезиса фольклорных произведений, осуществил комплексный подход к исследованию фольклора как феномена духовной культуры [1]. В. М. Жирмунский в текстах героического эпоса тюркских народов обнаружил общие черты в жанровых особенностях, идейном содержании, эпических сюжетах, мотивах, традиционных признаках эпического стиля, исполнении эпоса [5]. Е. М. Мелетинский в результате сравнительного изучения якутского олонхо с эпосом других тюрко-монгольских народов нашел близость в мотивах героического сватовства, борьбы с чудовищами, одиночества героя, не знающего своих родителей, чудесного рождения героя, в схожести характера сестер героя и женщин богатырей [2]. Б. Н. Путилов указал, что целью историко-типологического сравнения эпосов должен быть поиск соотношений в сюжете, героях, композиции, основной идее и др. [6]. Утверждая о наличии в якутском олонхо южного пласта, А. П. Окладников писал: «Их (олонхо) истоки восходят еще к тем временам, когда предки

якутов жили на своей прежней родине и тесно общались с предками тюрко-монгольских народов Алтая и Саян. Об этом говорит наличие общих черт в сюжете олонхо и сюжете эпосов этих народов, а также сходство в строе языка и составе лексики» [3, с. 9]. В якутском эпосоведении сравнительные исследования якутского олонхо с эпосами тюркоязычных народов Сибири впервые провел И. В. Пухов, получил ценные для науки результаты, выявив схожесть сюжетов, образов, стиля якутского олонхо и эпосов шорцев, хакасов, тувинцев и бурят. Исследования привели его к выводу: «Генетическая общность в древнем эпосе может проявляться не только в отдельных деталях; она способна охватывать целые сказания, весь их строй, характер развития сюжетов и образов, стиль в целом. Типологическое же сходство, на наш взгляд, больше касается отдельных деталей, эпизодов, сюжетов» [10]. И это свое заключение он доказал на примере сравнения алтайского героического сказания «Маадай-Кара» с якутскими олонхо. Г. У. Эргис, сравнив сказочные мифологические элементы, композицию, отдельные эпические мотивы и формулы, пришел к выводу, что к якутскому олонхо наиболее близки бурятские «улигеры» (или «онотхо») и монголо-ойратские «тули» [8, с. 6]. Н. И. Филиппова изучила собственные имена героев олонхо и улигера [14, с. 151–155]. Ею выявлено сходство структуры собственных имен героев якутского и бурятского эпосов, содержащих в своем составе эпитет, основную часть имени, титул. Изыскания алтайского и якутского эпосов в сравнительном аспекте продолжаются якутскими фольклористами. М. Т. Гоголева сравнила лексические единицы якутских и алтайских эпосов и заключила, что такой способ сравнительного изучения является наиболее репрезентативным методом в выявлении генетической общности олонхо и алтайского эпоса [15, с. 46–49]. Ю. П. Борисов, сравнив синтаксические параллелизмы якутского олонхо «Джырыбына Джырылыатта» и алтайского эпоса «Маадай-Кара», обнаружил сходства в их синтаксическом строе и семантике, свидетельствующие о родственных связях сказительских традиций. А в расхождениях структуры параллелизмов подтверждается факт, что «связь между ними прервалась в глубокой древности» [16, с. 44–50]. С. Д. Львова в результате исследования сравнений в текстах алтайского эпоса «Маадай-Кара» и якутского олонхо «Могучий Эр Соготох» установила в них широкое употребление сравнения как художественно-изобразительное средство, что утверждает типологическую близость эпосов. Исследователем выявлены также отличия: сравнениям алтайского эпоса «Маадай-Кара» характерны архаичность, стабильность и лаконичная структура, а сравнениям якутского эпоса «Могучий Эр Соготох» – импровизация, развернутость, имплицитность и сложная конструкция [17, с. 126–139].

Как видно из краткого обзора историографии при сравнительно-исторической разработке проблемы первыми исследователями изучены историко-генетические связи якутского героического эпоса олонхо с эпосами тюрко-монгольских народов. Впоследствии внимание исследователей сосредоточено на отдельные моменты изучения композиции, мотивов, языковых средств, формул. Нам кажется, что тема сравнительного изучения эпосов нуждается в дальнейшем развитии, в системном изучении, главным образом с точки зрения поиска более эффективных методологии и методов исследования. Труды И. В. Пухова по выявлению общих черт и различий в эпическом наследии тюркоязычных и монголоязычных этносов нуждаются в дополнительных исследованиях.

Сравнительное изучение якутского олонхо «Хаан Джаргыстай» и алтайского эпоса «Маадай-Кара» с применением методов сравнительно-структурного, сопоставительного анализа привело к выявлению достаточно большого количества схожих примеров из сюжетно-композиционного строения, мотивов. В своем текстуальном воплощении какие-то элементы сюжета повествования сокращены или развернуты, какой-то элемент пропущен или многократно повторен. Однако они нерасторжимы и устойчивы. Сходства сюжетно-композиционного строения, совпадения мотивов в якутском олонхо «Хаан Джаргыстай» и алтайском эпосе «Маадай-Кара» подтверждают вывод И. В. Пухова: «Это, несомненно, родственные эпические произведения, начало которых относится к тому времени, когда предки якутов в глубокой древности непосредственно общались с предками алтае-саянских народов» [10, с. 291–292].

Якутский эпос получил свое начало во времена, когда создавались древние общетюркские эпические сказания. Отделившись от эпических творений своих родственных народов, и якутское олонхо пронесло сквозь века свои устойчивые традиции, сохранило в течение многих веков исконные древние черты.

Памятники эпического творчества: якутский «Хаан Джаргыстай» и алтайский «Маадай-Кара»

Якутский героический эпос «Хаан Джаргыстай» («Хаан Дьаргыстай») был широко известным по Якутии и имел богатую историю. Имя олонхосута, от которого оно записано первоначально, неизвестно. Бытовало в верхоянской локальной эпической традиции. Зафиксировано И. А. Худяковым в годы ссылки (с 1867) в Верхоянском округе, издано в 1890 г. в «Верхоянском сборнике» на средства И. М. Сибирякова (г. Иркутск). После эпос был включен в издание «Образцы народной литературы якутов» Э. К. Пекарского (1918). В 2016 г. олонхо в записи И. А. Худякова «Хаан Джаргыстай» с вводной статьей, научными комментариями был переиздан профессором В. В. Илларионовым [18]. Объем текста составляет 6680 стихотворных строк. О том, что «Хаан Джаргыстай» – олонхо, перенесшее через время сказительские традиции, писал И. В. Пухов: «Это крупное олонхо, соответствующее всей традиции якутского эпоса» [9, с. 10].

Существуют другие олонхо с названием «Хаан Джаргыстай». В 1937 г. П. С. Васильевым была произведена запись версии олонхо «Хаан Джаргыстай бухатыр» со слов сказителя Н. В. Москвитина (Усть-Алданский улус), в 1941 г. Н. Говоровым – со слов И. И. Говорова (Усть-Алданский улус). Тексты олонхо хранятся в рукописном отделе ИГиИПМНС СО РАН. Олонхо с названиями «Хаан Джаргыстай» также широко бытовали в центральной эпической традиции Таттинского, Чурапчинского, Мегино-Кангаласского, Хангаласского улусов. В Вилюйской региональной эпической традиции эпос с названием «Хаан Джаргыстай» сказывался олонхосутами Нюрбинского и Вилюйского улусов.

Сказание «Маадай-Кара» записано С. С. Суразаковым от известного алтайского сказителя А. Г. Калкина в 1963 г. на магнитофоне. Текст состоит из 7738 стихотворных строк. Считается, что это наиболее крупное по объёму среди алтайских героических сказаний и по содержанию, стилю, трактовке образов. В алтайском эпическом наследии существует много вариантов «Маадай-Кара». Один из эпосов с тем же названием, записанный Н. Я. Никифоровым от Чолтоша Куранакова, был включен в «Аносский сборник» в 1915 г. [19, с. 293].

При проведении нами сравнительных изучений считаем применимыми труды российских исследователей, в которых затронуты вопросы сравнения сюжета и мотивов якутского и алтайского эпосов. Проведение исследований тюрко-монгольского эпического наследия невозможно без обращения к мотивному фонду эпического творчества тюрко-монгольских народов Сибири, составленного Е. Н. Кузьминой [12]. Р. С. Липец в своем исследовании показала, как на материале сопоставления эпических образов батыра и коня определить время сложения героического эпоса и проследить этнографические и этнокультурные связи создавших их народов. Интерес вызывает ее вывод о подчиненности стадияльной, ареальной и этнической модификации образов батыра и коня определенным закономерностям: «В историческом аспекте для героя это переход от образа исполина, мага к воинской героизации; для коня с вещими свойствами, – от тотемического родоначальника или покровителя героя к идеальному транспортному, в основном боевому животному» [20, с. 3]. Л. В. Дмитриева рассмотрела образ священного дерева в героическом эпосе народов Сибири, подвергла анализу сюжетные инварианты архетипа мирового дерева в мифологической картине мира сибирских народов на примере текстов якутского олонхо, алтайского эпоса, бурятского улигера и эвенкийских героических сказаний. Свое исследование подытожила словами: «Священное дерево у якутов, алтайцев, бурят и эвенков связано, с одной стороны, с миром материально-бытовой традиционной культуры и конкретизируется в текстах эпосов (береза, лиственница, тополь), с другой стороны, идеализировано, и возвышается до уровня космического уровня – мирового дерева» [21, с. 12–18].

Сходства и отличия сюжетно-композиционного строения эпосов

В олонхо «Хаан Джаргыстай» сказывается о богатырских походах трех поколений богатырей: богатыря Юрюнг Уолан, его сына Кенчюё Бегё и внука Хаан Джаргыстай. В алтайском эпосе «Маадай-Кара» описываются жизнь богатыря Маадай-Кара и богатырские приключения его сына Когюдей Мэргэн. По мнению В. В. Илларионова, существование олонхо о трех поколениях в эпической традиции якутского народа говорит о его древнем происхождении [18, с. 289]. Из сравнительного анализа следует, что в алтайском эпосе существует схожая традиция,

это позволяет предположить, что в древней эпической традиции тюрко-монгольских народов такое явление было характерным.

Якутское олонхо названо именем младшего из трех поколений богатырей, а алтайский «Маадай-Кара» – именем старшего богатыря.

В обоих эпосах раскрываются тема защиты родового племени и тема сватовства. Сюжетно-композиционный строй обоих эпосов содержит по несколько звеньев, каждое из которых в своем составе имеют четыре элемента: завязку, развитие событий, кульминацию, развязку.

Оба сказания начинаются с описания жизни старшего поколения богатырей-героев. Они – родоначальники племени. В якутском эпосе род продолжают два поколения: сын и внук. В алтайском продолжателем рода является сын Маадай-Кара – богатырь Когюдей Мерген. *Зачин*, в котором описывается родовая земля, для всех звеньев один и в якутском олонхо, и в алтайском эпосе. Как отметил Е. М. Мелетинский, такой зачин характерен во многих эпосах: «“эпическое время” в эпосе алтае-саянских народов, якутов и бурят определяется в зачине как мифическая эпоха первотворения, как заря мироздания» [22, с. 427]. В олонхо «Хаан Джаргыстай» 380 поэтических строк посвящены подробному описанию природы земли Юрюнг Уолана и его сестры, их жилища, надворья, богатства, живности. В зачине «Маадай-Кара» описывается безмятежная жизнь в стране старого богатыря Маадай-Кара, где живет множество людей, пасется неисчислимое количество скота. Это страна – край счастья и изобилия, где зимой «снега не бывает», а летом «ливней не бывает». В *завязке* описывается причина, побуждающая героя к деянию. Прибытие чудовища Тимир Суодалба с известием о призыве Юрюнг Уолана удаганкой Кюёгэлджин становится началом боевого похода Юрюнг Уолана. Кёнчюё Бёгё видит сон: он должен спасти девушку Кюн Ёйюёргэн и взять ее в жены. Хаан Джаргыстай предпринимает боевой поход по спасению отца из пленения Ытык Кыйбырдаана. Когюдей Мерген отправляется к Кара-Кула хану отомстить за угнанных родителей, уничтожение стойбища Маадай-Кара, убийство людей, ограбление имущества. Как видно, причиной, побуждающей к деянию богатырей Юрюнг Уолан и Кёнчюё Бёгё, является сватовство, а Хаан Джаргыстай и Когюдей Мэргэн – спасение родителей. Данный мотив в сказительстве тюрко-монгольских народов традиционен. В *развитии сюжета* по канонизированной сюжетной схеме раскрываются предпринятые богатырями Юрюнг Уолан, Кёнчюё Бёгё, Хаан Джаргыстай, Когюдей Мэргэн боевые походы по спасению пострадавших родителей от нашествия врагов: в якутском эпосе врагами богатырей предстают *абаасы* (чудовища из другого мира), в алтайском – шулмусы, хан-завоеватель. Юрюнг Уолан, спасая красавицу Кюн Кюёгэлджин от чудовища Тимир Бюкюстай, с помощью Кытыгырас Барааччы убивает чудовище. Кёнчюё Бёгё будучи еще мальчиком убивает старуху Тимир Лаппычыаха из Нижнего мира. Повзрослев, он вместе с Кытыгырас Барааччы одерживает победу и над чудовищем Тимир Силирбэх. Хаан Джаргыстай сражается за свою суженую девушку Ытык Нууруллаан с богатырем Ёксёкюлээх Бэкистэй. Когюдей Мерген узнав от *намов* (жрецов), что душа Кара-Кулы, ограбившего отца, заключена в одной из трех маралух, сражается с маралами. Как отметил В. М. Жирмунский: «Героический эпос опирается и в этом последнем случае на более древнюю сказочную традицию. В богатырской сказке тюркских и монгольских народов, у алтайцев, хакасов, в якутских “олонхо” врагами героя обычно являются богатыри подземного мира» [4, с. 32]. Богатыри преодолевают разные препятствия, созданные врагами. Хаан Джаргыстай проходит через препятствия Ытык Кыйбырдаана. В шорском эпосе Когюдей Мерген тоже благополучно проходит все препятствия: уничтожает 99 богатырей и 99 коней. *Кульминация* эпосов основывается на устойчивую эпическую традицию: в ней описываются кровопролитные сражения богатырей с врагами за освобождение плененных врагами родителей, соплеменников. *Развязка* олонхо и алтайского эпоса каноническая: Хаан Джаргыстай освобождает отца из пленения Ытык Кыйбырдаана, Когюдей Мерген, расправившись с богатырем Кара-Кула, отправляет свой народ вместе с родителями домой. Богатыри Юрюнг Уолан, Кёнчюё Бёгё, Хаан Джаргыстай, Когюдей Мэргэн в результате победы над соперниками женятся на своих суженых: Юрюнг Уолан на Кюн Туналынгса, Кёнчюё Бёгё на Кюн Ёйюёргэн, Хаан Джаргыстай на Ытык Нууруллаан, Когюдей Мэргэн на Алтын-Куску. Они возвращаются на свои земли и начинают жить мирной, счастливой жизнью.

Таким образом, сравнительный анализ якутского и алтайского эпосов позволил нам выявить схожесть их сюжетно-композиционного строя, устойчивость компонентов сюжета. Традиционный сюжетный тип – «героическая коллизия» не нарушается. В обоих эпосах герои-богатыри борются против врагов в виде чудовищ или завоевателей-ханов, заполонивших их землю. В образе завоевателя Кара-Кула хана, стремившегося к покорению и подчинению родов и племен в алтайском эпосе, в какой-то мере отвечиваются черты и стремления реальных ханов.

Мотивы: схожесть и отличия

Традиционно в эпосах конь – друг, советник. У якутов существовал устойчивый культ коня, по их представлениям конный скот происходил от божества Уот Джэсэгэй. Кони спускаются в Средний мир к племенам *айыы аймага* из Верхнего мира как дар божеств. Есть сюжеты, где земля возникает из божественной лошади, сохранившие остатки космогонических мифов о сотворении Вселенной из частей лошади. В описании богатырского коня в рассмотренных эпосах намечается схожесть. Конь отличается силой, умом, красотой, верностью хозяину: «Передними ногами играет, / Задними ногами танцует, / Хвост в девяносто две пряди / О щетки бьется, / Грива в семьдесят косичек / Ниже колен спускается» [23, с. 258]. У Юрюнг Уолана богатырский конь с золотыми крыльями. В обоих эпосах намечается мотив спасения богатыря конем: конь Хаан Джаргыстай бросает Ёксёкюлээх Бэкистэй с себя и пинками убивает, а конь Когюдей Мэргэна спасает хозяина, подняв его из подземного мира, земли Кара-Таадьы.

В эпосах многих народов присутствует *мотив священного дерева*. «Много общего в “Маадай-Кара” с якутскими олонхо в описании родового священного дерева – “хранителя” и “оберегателя” жизни героев. Как и в олонхо, оно занимает центральное положение в стране героя и приобретает величественное очертание» [10, с. 5]. В алтайском «Маадай-Кара» священное дерево в отличие от якутского священного дерева – «вечный тополь», и в нем обитают чудесная кукушка, стражи людей – беркуты и собаки. В якутском олонхо богатырь перед отправлением в боевой путь традиционно прощается со священным деревом Аал Луук Мас, обитателем которого является дух-хозяйка Среднего мира Аан Алахчын Хотун. Мотив священного дерева в рассматриваемом нами тексте «Хаан Джаргыстай» отсутствует, хотя по свидетельству В. В. Илларионова, в записанном Н. С. Гороховым варианте богатырь перед отправлением в боевой путь преклоняется перед Священным деревом [24, с. 13]. По предположению И. В. Пухова, «описание родового дерева и в олонхо, и в алтайском эпосе имеет один источник. В дальнейшем развитии эпоса двух народов описание это, понятно, приобрело различные формы. В алтайских сказаниях, например, часть описания перенесена на другой важный для этого эпоса объект – коновязь. В олонхо же описание родового дерева, вероятно, больше сохранило древнейшие черты» [10, с. 7].

Мотив вестника. Сообщение вестника вызывает богатыря в боевой поход. В «Хаан Джаргыстай» вести богатырям приносят: чудовище Тимир Суодалба, старуха Симэхсин, ястребенек с колокольчиком на шее. В алтайском эпосе богатырю Когюдей Мерген о его суженой сообщает отец Маадай-Кара, таким образом он выполняет роль вестника.

Мотив чудесных превращений героев обогащает содержание обоих эпосов. В олонхо «Хаан Джаргыстай» Юкэйдээн Куо, сестра Юрюнг Уолана, способна превратиться в белого стерха, также она обладает волшебным даром спасти умирающего человека. Ёксёкюлээх Бэкистэй, превратившись в ястреба, похищает Ытык Нуураллаан. Хаан Джаргыстай и Ёксёкюлээх Бэкистэй сражаются, оба приняв облики львов. В алтайском эпосе Когюдей Мэргэн способен превратиться в полосатую мышь и в Тастаракая на лохматом жеребенке. Конь его оборачивается беркутом, чтобы спасти хозяина. Когюдей Мерген обращает себя и коня в черных маралов. Е. М. Мелетинский заметил наличие в алтайском эпосе мотива превращения женщины в кольцо: «В поэмах алтайцев богатырь, добыв невесту, часто превращает ее в кольцо и в таком виде привозит домой, где уже происходит большой свадебный пир» [2, с. 268]. В рассматриваемом нами «Маадай-Кара» отсутствует такой мотив, мотив намечается в олонхо: Юрюнг Уолан превращает женщин в кольцо и надевает на мизинец. В «Маадай-Кара» введен *мотив шести богатырей*, оказавших помощь Когюдей Мэргэну в преодолении препятствий. Как пишет С. С. Суразаков: «Древний миф о семи великанах, обладающих семью разными чудесными способностями, которых хотел хитроумно уничтожить, по мифу, Караты-Каан, у алтайцев бытовал

как самостоятельное произведение (записи хранятся в архиве ГАНИИЯЛ). В данном случае он “проник” и оказался в составе “Маадай-Кара” [7, с. 119].

Намечается присутствие в обоих эпосах *мотива обмана, хитрости*. В «Хаан Джаргыстае» Ытык Кыйбырдаан создает настоящую интригу между Хаан Джаргыстаем и Улусханнаах Улуу Тойоном, поведя ложные вести. В «Маадай-Кара» Кара-Таады пытается обмануть Когюдей Мергена, придав Алтын-Куску вид уродливой старухи.

В обоих эпосах шаманы выполняют функцию предсказателей судьбы героев. В якутском олонхо судьбу Юрюнг Уолану ведает сестра-шаманка. В алтайском эпосе Тойбое-шаман предсказывает победу Когюдей Мергена над ханом Кара-Кула.

В обоих эпосах присутствуют редко встречающиеся в традиции сказительства мотивы. В «Хаан Джаргыстае» есть мотив небесного суда, который состоялся над Кюёкэл Джаасыном и Ытык Кыйбырданом. Подобный мотив встречается в олонхо «Кулун Куллустуур», в котором сорок девять советников судят богатыря Кулун Куллустуура за нежелание жениться на Кюн Толомон Нюргустай [25, с. 605].

Кроме схожих мотивов, присутствуют мотивы, отличающие рассматриваемые нами эпосы. Например, *мотив вещего сна* в якутском эпосе: сначала сон, как вестник, становится причиной выезда богатыря в поход; затем сестра Юрюнг Уолана Юкэйдээн Куо выезжает спасать брата после вещего сна; Кёнчюё Бёгё также во сне узнает, что он должен спасти девушку Кюн Ёйюёргэн и взять ее в жены. В рассматриваемом алтайском эпосе этот мотив отсутствует.

В отличие от олонхо алтайский эпос содержит *мотив намов* (жрецов). В якутской сказительской традиции предсказателями судеб являются дух-хозяйка земли, небесные шаманки. В алтайском эпосе также намечается *мотив женитьбы богатыря на дочери подземного мира*. В некоторых якутских олонхо богатыри (например, Юрюнг Уолан в олонхо П. А. Ойунского «Нюргун Боотур Стремительный») обещают жениться на дочерей *абаасы*, чтобы хитростью уничтожить ее, но не женятся [26]. В якутских олонхо также отсутствуют перенятые в «Маадай-Кара» из сказки *мотив шести богатырей* и *мотив двойников* Когюдей Мергена.

Заключение

В результате сравнительного анализа якутского олонхо «Хаан Джаргыстай» и алтайского сказания «Маадай-Кара» мы можем заключить:

Основу обоих эпосов неизменно составляют мотив героической борьбы главного действующего героя против мифических чудовищ из подземного мира («Хаан Джаргыстай», «Маадай-Кара»), врагов-каанов («Маадай-Кара») и мотив героического сватовства.

Сходны сюжетно-композиционные строи якутского и алтайского эпосов. Твердо устоявшаяся сюжетная структура со схожим последовательным развитием сюжета (с зачином, завязкой, развитием действий, кульминацией, развязкой) указывает на общий древний источник.

В эпосах устойчивы мотивы священного дерева, коня, вестника, чудесных превращений героев. Бесспорно, эти схожие мотивы возникли во времена тесных общений предков якутов с предками тюрко-монгольских народов Алтая и Саян. Некоторые мотивы в эпосах предположительно появились в более поздних их этапах развития и бытования, и не получили широкого распространения в эпических традициях некоторых родственных народов, и в этой связи встречаются только в отдельных эпосах.

Результатом сравнительного изучения якутского олонхо «Хаан Джаргыстай» и алтайского эпоса «Маадай-Кара» стало выявление в них достаточно большого количества схожих примеров из сюжетно-композиционного строя, мотивов. В своем текстуальном воплощении какие-то элементы сюжета повествования сокращены или развернуты, какой-то элемент пропущен или многократно повторен. Однако они нерасторжимы и устойчивы. Сходство сюжетно-композиционных строений, совпадения мотивов в якутском и алтайском эпосах подтверждают вывод И. В. Пухова о том, что «это, несомненно, родственные эпические произведения, начало которых относится к тому времени, когда предки якутов в глубокой древности непосредственно общались с предками алтае-саянских народов» [10, с. 292].

Литература

1. Пропп В. Я. Структурное и историческое изучение волшебной сказки // Фольклор и действительность. – Москва : Наука, 1976. – С. 132–152.
2. Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса : ранние формы и архаические памятники. – Москва : Восточная литература, 1963. – 464 с.
3. Окладников А. П. Якутский эпос (олонхо) и его связь с югом. – Якутск : Сайдам, 2013. – 64 с.
4. Жирмунский В. М. Народный героический эпос. – Ленинград : Гос. изд-во художественной литературы, 1962. – 431 с.
5. Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос : Избранные труды. – Ленинград : Наука, 1974. – 727 с.
6. Путилов Б. Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. – Ленинград : Наука, 1976. – 244 с.
7. Суразаков С. С. Алтайский героический эпос и сказание «Маадай-Кара» // Сибирский педагогический журнал. – 2006. – № 3. – С. 106–121.
8. Дьулуруйар Ньургун Боотур = Нюргун Боотур Стремительный / Текст К. Г. Оросина ; Ред., пер., коммент., вступит. ст. Г. У. Эргис. – Якутск : Якутское кн. изд-во, 1947. – 410 с. (На якутском и русс. яз.)
9. Пухов И. В. Героический эпос тюрко-монгольских народов Сибири. Общность, сходства, различия // Эпос олонхо и эпическая поэзия саха (якутов) / [сост. Д. К. Сивцев ; отв. ред. В. Н. Иванов]. – Якутск : Изд-во СО РАН, Якутский филиал, 2003. – С. 84–141.
10. Пухов И. В. Героический эпос алтае-саянских народов и якутские олонхо. – Якутск : Изд-во СО РАН, Якутский филиал, 2004. – 328 с.
11. Пухов И. В. Олонхо – древний эпос якутов. – Якутск : Сайдам, 2013. – 48 с.
12. Кузьмина Е. Н. Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов) : эксперим. изд. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2005. – 1383 с.
13. Функ Д. А. Рец. на : Е. Н. Кузьмина. Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов). Экспериментальное издание / Отв. ред. Н. А. Алексеев. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2005. – 1382 с. // Этнографическое обозрение. – 2008. – № 2. – С. 173–177.
14. Филиппова Н. И. Собственные имена персонажей якутского олонхо и бурятского улигера // Вопросы языка и литературы народов Сибири : сб. науч. тр. / Отв. ред. Е. И. Убрятова. – Новосибирск : Гос. публичная научно-техническая библиотека СО РАН, 1974. – С. 151–155.
15. Гоголева М. Т. Лингвистический аспект этнокультурного образования : алтайский эпос и олонхо – общие истоки // Среднее профессиональное образование РФ. – 2013. – № 1. – С. 46–49.
16. Борисов Ю. П. Основные черты параллелизма в якутском олонхо и в алтайском эпосе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 11 (29). – Ч. 2. – С. 44–50.
17. Львова С. Д. Сравнения в якутском и алтайском эпосах (на материале олонхо «Могучий Эр Соготох» и кай чёрчэк «Маадай-Кара») // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова : Серия Эпосоведение. – 2019. – № 3 (15). – С. 126–139. – DOI: 10.25587/SVFU.2019.15.36605.
18. Хаан Дьаргыстай : олонхо / И. А. Худяков суруйуута. – Дьокуускай : ХИФУ изд-та, 2016. – 289 с. (На якутском яз.).
19. Никифоров Н. Я. Аносский сборник. Собрание сказок алтайцев / с примеч. Г. Н. Потанина. – Омск : Тип. штаба Омск. в окр., 1915. – [1], 293, XIV, [2] с. – (Записки Западно-Сибирского отделения Императорского Русского географического общества ; Т. 37).
20. Липец Р. С. Образы батыра и коня в тюрко-монгольском эпосе. – Москва : Наука, 1984. – 264 с.
21. Дмитриева Л. В. Образ священного дерева в героическом эпосе народов Сибири // Традиционная культура. – 2011. – № 3 (43). – С. 12–18.
22. Мелетинский Е. М. О древнейшем типе героя в эпосе тюрко-монгольских народов Сибири // Проблемы сравнительной филологии. Сборник статей к 70-летию члена-корреспондента АН СССР В. М. Жирмунского. – Москва ; Ленинград : Наука, 1964. – С. 426–443.
23. Маадай-Кара : алтайский героический эпос / [сказитель А. Г. Калкин ; запись текста, пер. и прилож. С. С. Суразакова]. – Москва : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1973. – 464 с.
24. Илларионов В. В. Дьааны олонхохуттарын үгэстэрэ И. А. Худяков суруйууларыгар // Хаан Дьаргыстай : олонхо / [И. А. Худяков суруйуута]. – Дьокуускай : ХИФУ изд-та, 2016. – 289 с. (На якутском яз.)

25. Куруубай хааннаах Кулун Куллустуур = Строптивный Кулун Куллустуур : якутское олонхо / сказитель И. Г. Тимофеев-Теплоухов ; зап. В. Н. Васильев. – Москва : Наука, Ред. вост. лит-ры, 1985. – 605 с. (На якутском и русс. яз.)

26. Нюргун Боотур Стремительный : якутский героический эпос олонхо / Воссоздал на основе народных сказаний П. А. Ойунский ; пер. на рус. яз. В. В. Державин. 2-е изд. – Якутск : Кн. изд-во, 1982. – 431 с.

References

1. Propp V. Ya. Structural and historical study of a fairy tale. In: Propp V. Ya. Folklore and reality. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 132–152. (In Russ.)
2. Meletinsky M. E. The origin of the heroic epic: early forms and archaic monuments. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1963, 464 p. (In Russ.)
3. Okladnikov A. P. The Yakut epic (olonkho) and its connection with the South. Yakutsk, Saidam Publ., 2013, 64 p. (In Russ.)
4. Zhirmunsky V. M. Folk heroic epic. Leningrad, State Publ. House of imaginative literature, 1962, 431 p. (In Russ.)
5. Zhirmunsky V. M. Turkic heroic epic: Selected Works. Leningrad, Nauka Publ., 1974, 727 p. (In Russ.)
6. Putilov B. N. Methodology of the comparative historical study of folklore. Leningrad, Nauka Publ., 1976, 244 p. (In Russ.)
7. Surazakov S. S. Altai heroic epic and the legend “Maadai-Kara”. *Siberian Pedagogical Journal*. 2006, No. 3, pp. 106–121. (In Russ.)
8. Ergis G. U. Nurgun Bootur the Swift. Text by K. G. Orosin; Ed., transl., comm., introduction by G. U. Ergis. Yakutsk, Yakut Book Publ. House, 1947, 410 p. (In Yakut and Russ.)
9. Pukhov I. V. Heroic epic of the Turkic-Mongolian peoples of Siberia. Commonness, similarities, differences. In: Epic olonkho and epic poetry of Sakha (Yakuts). Comp. D. K. Sivtsev, ed. V. N. Ivanov. Yakutsk, Publ. House of the SB RAS, 2003, pp. 84–141. (In Russ.)
10. Pukhov I. V. Heroic epic of the Altai-Sayan peoples and the Yakut olonkho. Yakutsk, Publ. House of the SB RAS, 2004, 328 p. (In Russ.)
11. Pukhov I. V. Olonkho – the ancient epic of the Yakuts. Yakutsk, Saidam Publ., 2013, 48 p. (In Russ.)
12. Kuzmina E. N. Index of typical places of the heroic epic of the peoples of Siberia (Altai, Buryat, Tuvans, Khakases, Shors, Yakuts): Experimental Edition. Novosibirsk, Publ. House of the SB RAS, 2005, 1383 p. (In Russ.)
13. Funk D. A. Review to: E. N. Kuzmina. Index of typical places of the heroic epic of the peoples of Siberia (Altai, Buryat, Tuvans, Khakases, Shors, Yakuts): Experimental Edition. Ed. N. A. Alekseev. Novosibirsk, Publ. House of the SB RAS, 2005, 1382 p. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2008, No. 2, pp. 173–177. (In Russ.)
14. Filippova N. I. The proper names of the characters of the Yakut olonkho and Buryat uligher. In: Questions of language and literature of the peoples of Siberia. Collection of scientific works. Ed. E. I. Ubryatova. Novosibirsk, State public scientific and technical library of the SB RAS, 1974, pp. 151–155. (In Russ.)
15. Gogoleva M. T. Linguistic aspect of ethnocultural education: Altai epic and olonkho – common sources. *Srednee professional'noe obrazovanie RF*. Moscow, 2013, No. 1, pp. 46–49. (In Russ.)
16. Borisov Yu. P. The main features of parallelism in the Yakut olonkho and in the Altai epic. *Philology. Theory & Practice*. 2013, No. 11 (29), Part 2, pp. 44–50. (In Russ.)
17. Lvova S. D. Comparisons in the Yakut and Altai epics (based on the material of the olonkho “Mighty Er Sogotokh” and kai cherchek “Maadai-Kara”). *Vestnik of North-Eastern Federal University. Series Epic studies*. 2019, No. 3 (15), pp. 126–139. DOI : 10.25587/SVFU.2019.15.36605. (In Russ.)
18. Khaan Dzhargistay: olonkho. Record by I. A. Khudyakov. Yakutsk, NEFU Publ., 2016, 289 p. (In Yakut)
19. Nikiforov N. Ya. Anosky collection: Collected of fairy tales of Altai. Omsk, Printing House of the headquarters of Omsk military district, 1915, [1], 293, XIV, [2]. (Notes of the West Siberian Branch of the Imperial Russian Geographical Society; Vol. 37). (In Russ.)
20. Lipets R. S. Images of Batyr and horse in the Turkic-Mongolian epic. Moscow, Nauka Publ., 1984, 264 p. (In Russ.)
21. Dmitrieva L. V. The image of the sacred tree in the heroic epic of the peoples of Siberia. *Traditional Culture*. 2011, No. 3 (43), pp. 12–18. (In Russ.)

22. Meletinsky M. E. On the oldest type of hero in the epic of the Turkic-Mongolian peoples of Siberia. In: Problems of comparative philology. Collection of articles dedicated to the 70th anniversary of corresponding member of the USSR Academy of Sciences V. M. Zhirmunsky. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1964, pp. 426–443. (In Russ.)

23. Maadai-Kara. Altai heroic epic. Narrator A. G. Kalkin, record, transl. and applications by S. S. Surazakov. Moscow, Nauka Publ., 1973, 464 p. (In Russ.)

24. Illarionov V. V. Traditions of the Verkhoyansk olonkhosuts in the notes of I. A. Khudokov. In: Khaan Dzhargistay: olonkho. Record by I. A. Khudyakov. Yakutsk, NEFU Publ., 2016, 289 p. (In Yakut)

25. Obstinate Kulun Kulustuur: Yakut olonkho. Narrator I. G. Timofeev-Teploukhov, record by V. N. Vasil'ev. Moscow, Nauka Publ., 1985, 605 p. (In Yakut and Russ.)

26. Nyurgun Bootur the Swift: Yakut heroic epic olonkho. Text by P. A. Oiunsky, transl. by V. V. Derzhavin. Yakutsk, Book Publ., 1982, 431 p. (In Russ.)